
МАРКСИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС ¹³⁰

Период контрреволюции в России принёс не только «гром и молнию», но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в «светлое будущее», — и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение, — и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! «Национальная проблема» прежде всего!

В то же время в стране происходила серьёзная ломка экономической жизни. 1905 год не прошёл даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили ещё один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъём двинули вперёд капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперёд. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России. Последние должны были придти в движение...

В том же направлении пробуждения национальностей действовал установившийся за это время

«конституционный режим». Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т. п., без сомнения, способствовали усилению «национальных чувств». Дума с её избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А подпявшааясь сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», метящих окраинам за их «свободолюбие», — вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма¹³¹ среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма, — всё это факты общеизвестные.

Волна национализма всё сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма.

В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия — дать отпор национализму, оградить массы от общего «шоветрия». Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классово́й борьбы. И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России. При этом особая стойкость требовалась от окраинных социал-демократов, непосредственно сталкивающихся с националистическим движением.

Но не все социал-демократы оказались на высоте задачи, и прежде всего — социал-демократы на окраинах. Бунд, раньше подчёркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели: дело дошло до того, что «празднование субботы» и «признание жаргона» объявил он боевым пунктом своей избирательной кампании*. За Бундом последовал Кавказ: одна часть кавказских социал-демократов, раньше отрицавшая вместе с остальными кавказскими с.-д. «культурно-национальную автономию», теперь её выставляет как очередное требование**. Мы не говорим уже о конференции ликвидаторов, дипломатически санкционировавшей националистические шатания***.

Но из этого следует, что взгляды российской социал-демократии по национальному вопросу не для всех ещё с.-д. ясны.

Необходимо, очевидно, серьёзное и всестороннее обсуждение национального вопроса. Нужна дружная и неустанная работа последовательных социал-демократов против националистического тумана, откуда бы он ни шёл.

I

НАЦИЯ

Что такое нация?

Нация — это, прежде всего, общность, определённая общность людей.

* См. «Отчёт о IX конференции Бунда».

** См. «Известия Августовской конференции».

*** См. там же.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

С другой стороны, несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племён и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

Итак, нация — не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей.

Но не всякая устойчивая общность создаёт нацию. Австрия и Россия — тоже устойчивые общности, однако, никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем как целостности России и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идёт, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских.

Итак — общность языка, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. **Общий** язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это ещё не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и всё-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и северо-американцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории. Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составляли одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию, в Америку, и здесь, на новой территории, с течением времени, образовала новую северо-американскую нацию. Разные территории повели к образованию разных наций.

Итак, **общность территории**, как одна из характерных черт нации.

Но это ещё не всё. **Общность территории** сама по себе ещё не даёт нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое. Между Англией и Северной

Америкой нет такой связи, и потому они составляют две различные нации. Но и сами северо-американцы не заслуживали бы названия нации, если бы отдельные уголки Северной Америки не были связаны между собой в экономическое целое благодаря разделению труда между ними, развитию путей сообщения и т. д.

Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времён жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздроблённости Грузии... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили деление труда между областями Грузии, вконец распатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм.

Итак, общность экономической жизни, экономическая связность, как одна из характерных особенностей нации.

Но и это не всё. Кроме всего сказанного, нужно принять ещё во внимание особенности духовного облика людей, объединённых в нацию. Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различные нации, то в этом не малую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования.

Конечно, сам по себе психический склад, или — как его называют иначе — «национальный характер», является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, — он уловим и не может быть игнорирован.

Нечего и говорить, что «национальный характер» не представляет нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни, но, поскольку он существует в каждый данный момент, — он накладывает на физиономию нации свою печать.

Итак, общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации.

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим «национальным характером» и всё-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если они экономически разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках и т. д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации.

Можно представить людей с общностью территории и экономической жизни, и всё-таки они не составят одной нации без общности языка и «национального характера». Таковы, например, немцы и латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на одном языке, но они не составляют одной нации в силу отсутствия других признаков.

Только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию.

Может показаться, что «национальный характер» является не одним из признаков, а единственно существенным признаком нации, причём все остальные признаки составляют, собственно, условия развития нации, а не её признаки. На такой точке зрения стоят, например, известные в Австрии с.-д. теоретики национального вопроса Р. Шпрингер и, особенно, О. Бауэр.

Рассмотрим их теорию нации.

По Шпрингеру, «нация — это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей». Это — «культурная общность группы современных людей, не связанная с «землёй»»* (курсив пани).

Итак — «союз» одинаково мыслящих и говорящих людей, как бы они ни были разобщены друг от друга, где бы они ни жили.

Бауэр идёт ещё дальше.

«Что такое нация? — спрашивает он. — Есть ли это общность языка, которая объединит людей в нацию? По англичале и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию»**.

Так что же такое нация?

«Нация — это относительная общность характера»***.

Но что такое характер, в данном случае — национальный характер?

Национальный характер — это «сумма признаков, отличающих людей одной от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой»****.

Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет:

«Характер людей ничем иным не определяется, как их судьбой», что... «нация есть не что иное, как общность судьбы»,

* См. «Национальная проблема» Р. Шпрингера, стр. 43, изд. «Общественная Польза», 1909 г.

** См. «Национальный вопрос и социал-демократия» О. Бауэра, изд. «Серп», 1909 г., стр. 1—2.

*** См. там же, стр. 6.

**** См. там же, стр. 2.

в свою очередь определяемая «условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда»*.

Таким образом, мы пришли к наиболее «полному», как выражается Бауэр, определению нации.

«Нация — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»**.

Итак, общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остаётся в таком случае от нации? О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщённых друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях, как о нации, хотя и «вовсе не имеют они общего языка»***, но о какой «общности судьбы» и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладываться на их национальный характер своей печати; если что

* См. «Национальный вопрос и социал-демократия» О. Бауэра, изд. «Серп», 1909 г., стр. 24—25.

** См. там же, стр. 139.

*** См. там же, стр. 2.

и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Всё это несомненно. Но как можно серьёзно говорить, что окостенелые религиозные обряды и выветривающиеся психологические остатки влияют на «судьбу» упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще как об единой нации.

Чем же отличается тогда нация Бауэра от мистического и самодовлеющего «национального духа» спиритуалистов?

Бауэр проводит непроходимую грань между «отличительной чертой» нации (национальный характер) и «условиями» их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не ступок впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?

Затем, чем, собственно, отличалась английская нация от северо-американской в конце XVIII и в начале XIX века, когда Северная Америка называлась ещё «Новой Англией»? Уж, конечно, не национальным характером: ибо северо-американцы были выходцами из Англии, они взяли с собой в Америку, кроме английского языка, ещё английский национальный характер и, конечно, не могли его так быстро утратить, хотя под влиянием новых условий у них, должно быть, вырабатывался свой особый характер. И всё-таки, несмотря на большую или меньшую общность характера, они уже составляли тогда особую от Англии нацию!

Очевидно, «Новая Англия», как нация, отличалась тогда от Англии, как нации, не особым национальным характером, или не столько национальным характером, сколько особой от Англии средой, условиями жизни.

Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе.

Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от почвы и превращает её в какую-то незримую, самодовлеющую силу. Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загробное. Ибо, повторяю, что это, например, за еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время!

Нет, не для таких бумажных «наций» составляет социал-демократия свою национальную программу. Она может считаться только с действительными нациями, действующими и двигающимися, и потому заставляющими считаться с собой.

Бауэр, очевидно, смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической.

Впрочем, Бауэр сам, повидимому, чувствует слабость своей позиции. Решительно заявляя в начале своей книги об евреях как о нации*, Бауэр в конце книги поправляется, утверждая, что «капиталистическое общество вообще не даёт им (евреям) сохраниться как нации»**, ассимилируя их с другими нациями. Причина, оказывается, в том, что «евреи не имеют замкнутой колонизационной области»***, в то время как такая область имеется, например, у чехов, которые должны сохраниться, по Бауэру, как нация. Короче: причина — в отсутствии территории.

Рассуждая так, Бауэр хотел доказать, что национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих****, но он тем самым нечаянно опрокинул свою собственную теорию, отрицающую общность территории, как один из признаков нации.

Но Бауэр идёт дальше. В начале своей книги он решительно заявляет, что «евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию»*****. Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменяет фронт, заявляя так же решительно: «несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка»***** (курсив наш).

Бауэр тут хотел доказать, что «язык — это важнейшее орудие человеческого общения»*****, но он

* См. стр. 2 его книги.

** См. там же, стр. 389.

*** См. стр. 388.

**** См. стр. 396.

***** См. стр. 2.

***** См. стр. 130.

***** Там же, стр. 130.

вместе с тем печально доказал и то, чего он не соби-
рался доказывать, а именно: несостоятельность своей
собственной теории нации, отрицающей значение общ-
ности языка.

Так сама себя опровергает шитая идеалистиче-
скими нитками теория.

II

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Нация является не просто исторической категорией,
а исторической категорией определённой эпохи, эпохи
подымающегося капитализма. Процесс ликвидации фео-
дализма и развития капитализма является в то же время
процессом складывания людей в нации. Так происхо-
дит дело, например, в Западной Европе. Англичане,
французы, германцы, итальянцы и прочие сложились
в нации при победоносном шествии торжествующего
над феодальной раздроблённостью капитализма.

Но образование наций означало там вместе с тем
превращение их в самостоятельные национальные госу-
дарства. Английская, французская и прочие нации яв-
ляются в то же время английским и пр. государствами.
Ирландия, оставшаяся вне этого процесса, не меняет
общей картины.

Несколько иначе происходит дело в Восточной Ев-
ропе. В то время как на Западе нации развились
в государства, на Востоке сложились междунациональ-
ные государства, государства, состоящие из несколь-
ких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия.
В Австрии наиболее развитыми в политическом отно-
шении оказались немцы — они и взяли на себя дело

объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию.

Так происходило дело на Востоке.

Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда отёртые на задний план национальности не успели ещё консолидироваться экономически в целостные нации.

Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах. Развиваются торговли и пути сообщения. Возникают крупные города. Нации экономически консолидируются. Ворвавшийся в спокойную жизнь отеснённых национальностей капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность рейхсрата (в Австрии) и Думы (в России) способствуют усилению «национальных чувств». Народившаяся интеллигенция проникается «национальной идеей» и действует в этом же направлении...

Но проснувшиеся к самостоятельной жизни отеснённые нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоёв командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..

Так складываются в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом.

На Западе Ирландия ответила на исключительное положение национальным движением. На Востоке проснувшиеся нации должны были ответить тем же.

Так складывались обстоятельства, толкавшие молодые нации востока Европы на борьбу.

Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттеснённых наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетённой нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетённой нации против помещиков господствующей нации (украинцы в Польше), или вся «национальная» буржуазия угнетённых наций против правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России).

Буржуазия — главное действующее лицо.

Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова её цель. Отсюда её желание — обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму.

Но дело, обыкновенно, не ограничивается рынком. В борьбу вмешивается полупфеодальная-полубуржуазная бюрократия господствующей нации со своими методами «тащить и не пущать». Буржуазия командующей

нации — всё равно, является ли она мелкой или крупной — получает возможность «быстрее» и «реши- тельнее» расправиться со своим конкурентом. «Силы» объединяются, и — начинается целый ряд ограничи- тельных мер против «иностранческой» буржуазии, пере- ходящих в репрессии. Борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую. Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избира- тельных прав, сокращение школ, религиозные стесне- ния и т. п. так и сыплется на голову «конкурента». Конечно, такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специ- фически, так сказать, кастовые цели правящей бюро- кратии. Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку — всё равно, идёт ли речь об Австро-Венгрии или о России.

Стеснённая со всех сторон буржуазия угнетённой нации естественно приходит в движение. Она апелли- рует к «родным пизам» и начинает кричать об «отечо- стве», выдавая своё собственное дело за дело общена- родное. Она вербует себе армию из «соотечественников» в интересах... «родины». И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг её зна- мени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство.

Так начинается национальное движение.

Сила национального движения определяется сте- пенью участия в нём широких слоёв нации, пролета- риата и крестьянства.

Станет ли пролетариат под знамя буржуазного национализма — это зависит от степени развития

классовых противоречий, от сознательности и организованности пролетариата. У сознательного пролетариата есть своё собственное испытанное знамя, и ему неважно становиться под знамя буржуазии.

Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли», как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения.

С другой стороны, если, например, в Грузии нет сколько-нибудь серьёзного **антирусского** национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть **антиармянский** национализм, но это потому, что там есть ещё армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, ещё не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму.

В зависимости от этих факторов национальное движение принимает или массовый характер, всё более и более разрастаясь (Ирландия, Галиция), или оно превращается в цепь мелких стычек, вырождаясь в скандалы и «борьбу» за вывески (некоторые городки в Богемии).

Содержание национального движения, конечно, не может быть везде одинаковым: оно всецело определяется разнообразными требованиями, выставляемыми движением. В Ирландии движение имеет аграрный характер, в Богемии — «языковой», здесь требуют гражданского равноправия и свободы вероисповедания,

там — «своих» чиновников или своего сейма. В разнообразных требованиях нередко просвечивают разнообразные черты, характеризующие нацию вообще (язык, территория и пр.). Достоин внимания, что нигде не встречаются требования о бауэровском всеобъемлющем «национальном характере». Оно и понятно: «национальный характер», взятый сам по себе, безусловим и, как правильно заметил И. Штрассер, «с ним политику нечего делать»*.

Таковы в общем формы и характер национального движения.

Из сказанного ясно, что национальная борьба в условиях поднимающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удаётся вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба по внешности принимает «общенародный» характер, по это только по внешности. В существе своём она всегда остаётся буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии.

Но из этого вовсе не следует, что пролетариат не должен бороться против политики угнетения национальностей.

Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию. Такое положение может лишь затормозить дело свободного развития духовных сил пролетариата подчинённых наций. Нельзя серьёзно говорить о полном развитии духовных

* См. его «Der Arbeiter und die Nation», 1912 г., стр. 33.

дарований татарского или еврейского рабочего, когда им не дают пользоваться родным языком на собраниях и лекциях, когда им закрывают школы.

Но политика националистических репрессий опасна для дела пролетариата и с другой стороны. Она отвлекает внимание широких слоёв от вопросов социальных, вопросов классовой борьбы — в сторону вопросов национальных, вопросов, «общих» для пролетариата и буржуазии. А это создаёт благоприятную почву для лживой проповеди о «гармонии интересов», для затупёвывания классовых интересов пролетариата, для духовного закабаления рабочих. Тем самым ставится серьёзная преграда делу объединения рабочих всех национальностей. Если значительная часть польских рабочих до сих пор остаётся в духовной кабале у буржуазных националистов, если она до сих пор остаётся в стороне от интернационального рабочего движения, — то это, главным образом, потому, что исконная антипольская политика «власть имущих» даёт почву для такой кабалы, затрудняет освобождение рабочих от такой кабалы.

Но политика репрессий на этом не останавливается. От «системы» угнетения она нередко переходит к «системе» натравливания наций, к «системе» резни и погромов. Конечно, последняя не везде и не всегда возможна, но там, где она возможна, — в условиях отсутствия элементарных свобод, — там она нередко принимает ужасающие размеры, грозя потопить дело сплочения рабочих в крови и слезах. Кавказ и юг России дают не мало примеров. «Разделяй и властвуй» — такова цель политики натравливания. И поскольку такая политика удаётся, она представляет величайшее

зло для пролетариата, серьезнейшую преграду делу сплочения рабочих всех национальностей государства.

Но рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию, в скором и окончательном их освобождении от духовной кабалы буржуазии, в полном и свободном развитии духовных сил своих собратьев, к какой бы нации они ни принадлежали.

Поэтому рабочие борются и будут бороться против политики угнетения наций во всех её видах, от самых тонких до самых грубых, как и против политики патравливания во всех её видах.

Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает право наций на самоопределение.

Право на самоопределение, т. е.: только сама нация имеет право определить свою судьбу, никто не имеет права насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать её школы и прочие учреждения, ломать её нравы и обычаи, стеснять её язык, урезывать права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определить свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям данной нации освободиться от них.

Право на самоопределение, т. е. — нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения.

Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это ещё не значит, что социал-демократия поднищется под таким постановлением того или иного учреждения данной нации. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов,— две вещи разные.

Борясь за право наций на самоопределение, социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетения нации, сделать её невозможной, и тем подорвать борьбу наций, притупить её, довести её до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение.

Именно поэтому не может стать сознательный пролетариат под «национальное» знамя буржуазии.

Именно поэтому так называемая «эволюционно-национальная» политика, предлагаемая Бауэром, не может сделаться политикой пролетариата. Попытка Бауэра отождествить свою «эволюционно-национальную» политику с политикой «современного рабочего класса»* является попыткой приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций.

Судьбы национального движения, в существе своём буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии.

* См. книгу Бауэра, стр. 166.

Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать её в корне, сделать её максимально безвредной для пролетариата — возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития.

III

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Нация имеет право свободно определить свою судьбу. Она имеет право устроиться так, как ей угодно, не попирая, конечно, прав других наций. Это бесспорно.

Но как именно она должна устроиться, какие формы должна принять её будущая конституция, если принять во внимание интересы большинства нации и прежде всего пролетариата?

Нация имеет право устроиться автономно. Она имеет право даже отделиться. Но это ещё не значит, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, т. е. для её большинства, т. е. для трудящихся слоёв. Закавказские татары, как нация, могут собраться, скажем, на своём сейме и, подчинившись влиянию своих беков и мулл, восстановить у себя старые порядки, решить отделиться от государства. По смыслу пункта о самоопределении они имеют на это полное право. Но будет ли это в интересах трудящихся слоёв татарской нации? Может ли социал-демократия равнодушно

смотреть на то, как беки и муллы ведут за собой массы в деле решения национального вопроса? Не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определённым образом повлиять на волю нации? Не должна ли она выступить с конкретным планом решения вопроса, наиболее выгодным для татарских масс?

Но какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс? Автономия, федерация или сепарация?

Всё это — вопросы, решение которых зависит от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию.

Более того. Условия, как и всё, меняются, и решение, правильное для данного момента, может оказаться совершенно неприемлемым для другого момента.

В половине XIX века Маркс был сторонником отделения русской Польши; и он был прав, ибо тогда вопрос стоял об освобождении высшей культуры от разрушавшей её низшей. И вопрос стоял тогда не в теории только, не академически, а на практике, в самой жизни...

В конце XIX века польские марксисты высказываются уже против отделения Польши, и они также правы, ибо за последние 50 лет произошли глубокие изменения в сторону экономического и культурного сближения России и Польши. Кроме того, за это время вопрос об отделении из предмета практики превратился в предмет академических споров, волнующих разве только заграничных интеллигентов.

Это не исключает, конечно, возможности появления известных внутренних и внешних конъюнктур, при которых вопрос об отделении Польши снова может стать на очередь.

Из этого следует, что решение национального вопроса возможно лишь в связи с историческими условиями, взятыми в их развитии.

Экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию, — таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно должна устроиться та или иная нация, какие формы должна принять её будущая конституция. При этом возможно, что для каждой нации потребуются особое решение вопроса. Если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то именно здесь, в национальном вопросе.

Ввиду этого мы должны решительно высказаться против одного очень распространённого, но и очень огульного способа «решения» национального вопроса, ведущего своё начало от Бунда. Мы говорим о лёгком методе ссылки на австрийскую и южно-славянскую * социал-демократию, которая-де уже решила национальный вопрос и у которой русские социал-демократы должны просто позаимствовать решение. При этом предполагается, что всё, что, скажем, правильно для Австрии, правильно и для России. Упускается из виду самое важное и решающее в данном случае: конкретные исторические условия в России вообще и в жизни каждой отдельной нации в пределах России в частности.

Послушайте, например, известного бундовца В. Косовского:

«Когда на IV съезде Бунда обсуждалась принципиальная сторона вопроса (речь идёт о национальном вопросе. И. Ст.),

* Южно-славянская социал-демократия работает на юге Австрии.

то предложенное одним из членов съезда решение вопроса в духе резолюции южно-славянской социал-демократической партии вызвало всеобщее одобрение»*.

В результате «съезд единогласно принял»... национальную автономию.

И — только! Ни анализа русской действительности, ни выяснения условий жизни евреев в России: сначала позаимствовали решение у южно-славянской с.-д. партии, потом «одобрили», а потом «единогласно приняли!» Так ставят и «решают» бундовцы национальный вопрос в России...

Между тем, Австрия и Россия представляют совершенно различные условия. Этим и объясняется, что социал-демократия в Австрии, принявшая национальную программу в Брюнне (1899 г.)¹³² в духе резолюции южно-славянской с.-д. партии (правда, с некоторыми незначительными поправками), совершенно, так сказать, не по-русски подходит к вопросу и, конечно, не по-русски его решает.

Прежде всего постановка вопроса. Как ставят вопрос австрийские теоретики культурно-национальной автономии, толкователи брюннской национальной программы и резолюции южно-славянской социал-демократической партии, Шпрингер и Бауэр?

«Мы оставляем здесь, — говорит Шпрингер, — без ответа вопрос о том, возможно ли вообще государство национальностей и вынуждены ли, в частности, австрийские национальности образовать одно политическое целое; эти вопросы мы будем считать решёнными. Для того, кто несогласен с упомянутой возможностью

* См. «Вопросы национальностей» В. Коссовского, стр. 16—17, 1907 г.

и необходимостью, наше исследование будет, конечно, беспочвенным. Наша тема гласит: данные нации **вынуждены** вести совместное существование; какие **правовые формы** дадут им возможность **жить лучше всего?**» (курсив Шпрингера)*.

Итак, государственная целостность Австрии, как исходный пункт.

То же самое говорит Бауэр:

«Мы исходим из того предположения, что австрийские нации останутся в том же государственном союзе, в котором они теперь живут, и спрашиваем, каковы в рамках этого союза будут отношения наций между собой и всех их к государству»**.

Опять-таки: целостность Австрии первым долгом.

Может ли **так** ставить вопрос российская социал-демократия? Нет, не может. И не может она потому, что с самого начала стоит на точке зрения самоопределения наций, в силу которой нация имеет право на отделение.

Даже бундовец Гольдблат признал на втором съезде российской социал-демократии, что последняя не может отказаться от точки зрения самоопределения. Вот что говорил тогда Гольдблат:

«Против права на самоопределение ничего возражать нельзя. В случае, если какая-нибудь нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в «закопный брак» с Россией, то не нам ей мешать».

Всё это так. Но отсюда следует, что исходные пункты у австрийских и русских с.-д. не только не одинаковы, а, наоборот, прямо противоположны. Можно ли после этого говорить о возможности позайметования национальной программы у австрийцев?

* См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 14.

** См. «Национальный вопрос и социал-демократия» Бауэра, стр. 399.

Далее. Австрийцы думают осуществить «свободу национальностей» путём мелких реформ, медленным шагом. Предлагая культурно-национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не рассчитывают на коренное изменение, на демократически-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские марксисты связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России.

«Разумеется, — говорит Бауэр, — трудно думать, чтобы национальная автономия явилась в результате великого решения, смелого решительного действия. Шаг за шагом будет Австрия идти к национальной автономии, медленным и мучительным процессом, тяжёлой борьбой, из-за которой законодательство и управление будут находиться в состоянии хронической парализованности. Нет, не путём великого законодательного акта, а множеством отдельных законов, издаваемых для отдельных областей, отдельных общин, будет создан новый государственно-правовой строй»*.

То же самое говорит Шпрингер:

«Я прекрасно знаю, — пишет он, — что институты подобного рода (органы национальной автономии. И. Ст.) создаются не в год и не в десяток лет. Реорганизация одного только прусского управления потребовала продолжительного времени... Пруссии нужны были два десятилетия для окончательного установления своих основных административных учреждений. Поэтому пусть не думают, что я не знаю, сколько времени и сколько трудностей потребуются для Австрии»**.

Всё это очень определённо. Но могут ли русские марксисты не связывать национального вопроса со

* См. «Национальный вопрос» Бауэра, стр. 422.

** См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 281—282.

«смелыми решительными действиями»? Могут ли они рассчитывать на частичные реформы, на «множество отдельных законов», как на средство завоевания «свободы национальностей»? А если они не могут и не должны делать этого, то не ясно ли отсюда, что методы борьбы и перспективы у австрийцев и русских совершенно различны? Как можно при таком положении ограничиваться односторонней и половинчатой культурно-национальной автономией австрийцев? Одно из двух: либо сторонники позаймствования не рассчитывают на «решительные и смелые действия» в России, либо они рассчитывают на них, но «не ведают, что творят».

Наконец, Россия и Австрия стоят перед совершенно различными очередными задачами, ввиду чего и метод решения национального вопроса диктуется различный. Австрия живёт в условиях парламентаризма, без парламента при нынешних условиях там развитие невозможно. Но парламентская жизнь и законодательство Австрии нередко совершенно прекращаются благодаря резким столкновениям национальных партий. Этим и объясняется хронический политический кризис, которым Австрия давно болеет. Ввиду этого национальный вопрос составляет там ось политической жизни, вопрос существования. Неудивительно, поэтому, что австрийские с.-д. политики стараются разрешить так или иначе прежде всего вопрос о национальных столкновениях, разрешить, конечно, на почве уже существующего парламентаризма, парламентским способом...

Не то в России. В России, во-первых, «слава богу, нет парламента»¹³³. Во-вторых — и это главное — осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьбы русского вопроса,

а, значит, и «освобождения» наций, связываются в России с решением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением крепостнических остатков, т. е. с демократизацией страны. Этим и объясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны.

«Бесплодие австрийского парламента,— пишет Шпрингер,— тем только и вызвано, что каждая реформа порождает внутри национальных партий противоречия, разрушающие их сплочённость, и вожди партий поэтому тщательно избегают всего того, что пахнет реформами. Прогресс Австрии мыслям вообще лишь в том случае, если нациям будут даны неотъемлемые правовые позиции; это избавит их от необходимости содержать в парламенте постоянные боевые отряды и даст им возможность обратиться к разрешению хозяйственных и социальных задач»*.

То же самое говорит Бауэр:

«Национальный мир необходим прежде всего государству. Государство совершенно не может терпеть, чтобы законодательство прекращалось из-за глупейшего вопроса о языке, из-за малейшей ссоры возбуждённых людей где-нибудь на национальной границе, из-за каждой новой школы»**.

Всё это понятно. Но не менее понятно, что в России национальный вопрос стоит в совершенно другой плоскости. Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России. Национальный вопрос — подчинённый.

Итак, различная постановка вопроса, различные перспективы и методы борьбы, различные очередные задачи. Разве не ясно, что при таком положении вещей брать примеры у Австрии и заимствовать заимствованием

* См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 36.

** См. «Национальный вопрос» Бауэра, стр. 401.

программы могут лишь бумажные люди, «решающие» национальный вопрос вне пространства и времени?

Ещё раз: конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка, — таков ключ к решению национального вопроса.

IV

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ

Выше мы говорили о формальной стороне австрийской национальной программы, о методологических основаниях, в силу которых русские марксисты не могут просто взять пример у австрийской социал-демократии и сделать её программу своей.

Поговорим теперь о самой программе по существу.

Итак, какова национальная программа австрийских социал-демократов?

Она выражается в двух словах: культурно-национальная автономия.

Это значит, во-первых, что автономия даётся, скажем, не Чехии или Польше, населённым, главным образом, чехами и поляками, — а вообще чехам и полякам, независимо от территории, всё равно — какую бы местность Австрии они ни населяли.

Потому-то автономия эта называется **национальной**, а не территориальной.

Это значит, во-вторых, что рассеянные в разных углах Австрии чехи, поляки, немцы и т. д., взятые персонально, как отдельные лица, организуются в целостные нации и, как таковые, входят в состав австрийского государства. Австрия будет представлять в таком

случае не союз автономных областей, а союз автономных национальностей, конституированных независимо от территории.

Это значит, в-третьих, что общенациональные учреждения, долженствующие быть созданными в этих целях для поляков, чехов и т. д., будут ведать не «политическими» вопросами, а только лишь «культурными». Специфически политические вопросы сосредоточатся в общевосточном парламенте (рейхсрате).

Поэтому автономия эта называется ещё культурной, культурно-национальной.

А вот и текст программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюнском конгрессе в 1899 г.*

Упомянув о том, что «национальные распри в Австрии препятствуют политическому прогрессу», что «окончательное разрешение национального вопроса... есть прежде всего культурная необходимость», что «разрешение возможно только при истинно-демократическом обществе, построенном на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права», — программа продолжает:

*«Сохранение и развитие национальных особенностей** народов Австрии возможно только при полном равноправии и при отсутствии всякого угнетения. Поэтому прежде всего должна быть*

* За неё голосовали и представители южно-славянской с.-д. партии. См. «Дебаты по национальному вопросу на Брюнском партийном», стр. 72, 1906 г.

** В русском переводе М. Панина (см. книгу Бауэра в переводе Панина) вместо «национальных особенностей» сказано «национальные индивидуальности». Панин неверно перевёл это место, в немецком тексте нет слова «индивидуальность», там говорится о «nationalen Eigenart», т. е. об особенностях, что далеко не одно и то же.

отвергнута система бюрократического государственного централизма, равно как и феодальные привилегии отдельных земель.

При этих и только при этих условиях в Австрии сможет установиться национальный порядок вместо национальных раздоров, а именно на следующих основаниях:

1. Австрия должна быть преобразована в государство, представляющее демократический союз национальностей.

2. Вместо исторических коронных земель должны быть образованы национально-отграниченные самоуправляющиеся корпорации, в каждой из которых законодательство и правление находились бы в руках национальных палат, избираемых на основе всеобщего, прямого и раннего голосования.

3. Самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместо национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно.

4. Права национальных меньшинств обеспечиваются особым законом, издаваемым имперским парламентом».

Программа кончается призывом к солидарности всех наций Австрии*.

Не трудно заметить, что в программе этой остались некоторые следы «территориализма», но в общем она является формулировкой национальной автономии. Недаром Шприггер, первый агитатор культурно-национальной автономии, встречает её с восторгом**. Бауэр также разделяет её, называя её «теоретической победой»*** национальной автономии; только в интересах большей ясности он предлагает пункт 4 заменить более определённой формулировкой, говорящей о необходимости «конституирования национального меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области в публично-

* См. «Verhandlungen des Gesamtparteitages» в Брюнне, 1899 г.

** См. «Национальная проблема» Шприггера, стр. 286.

*** См. «Национальный вопрос», стр. 549.

правовую корпорацию» для заведывания школьными и прочими культурными делами*.

Такова национальная программа австрийской социал-демократии.

Рассмотрим её научные основы.

Посмотрим, как обосновывает австрийская социал-демократия проповедываемую ею культурно-национальную автономию.

Обратимся к теоретикам последней, к Шпрингеру и Бауэру.

Исходным пунктом национальной автономии является понятие о нации, как о союзе лиц независимо от определённой территории.

«Национальность, — по Шпрингеру, — не находится ни в какой существенной связи с территорией; нации — автономные персональные союзы»**.

Бауэр также говорит о нации, как о «персональной общности», которой «не предоставлено исключительное господство в какой-либо определённой области»***.

Но лица, составляющие нацию, не всегда живут одной сплошной массой, — они часто разбиваются на группы и в таком виде вкрапливаются в чужие национальные организмы. Это капитализм гонит их в разные области и города на заработки. Но, входя в чужие национальные области и составляя там меньшинства, группы эти терпят от местных национальных большинств в смысле стеснений языка, школы и т. п. Отсюда национальные столкновения. Отсюда «непригодность» территориальной автономии. Единственный выход из такого положения,

* См. «Национальный вопрос», стр. 555.

** См. «Национальная проблема» Шпрингера, стр. 19.

*** См. «Национальный вопрос», стр. 286.

по мнению Шпрингера и Бауэра, — организовать рассеянные в разных местах государства меньшинства данной национальности в один общий междуклассовый национальный союз. Только такой союз мог бы защитить, по их мнению, культурные интересы национальных меньшинств, только он способен прекратить национальные раздоры.

«Необходимо, — говорит Шпрингер, — дать национальностям правильную организацию, облечь их правами и обязанностями» *... Конечно, «закон легко создать, но оказывает ли он то действие, которого от него ожидают»... «Если хотят создать закон для наций, то прежде всего нужно создать самые нации» **... «Без конституирования национальностей создание национального права и устранение национальных раздоров невозможны» ***.

В том же духе говорит Бауэр, когда он выставляет, как «требование рабочего класса», «конституирование меньшинств в публично-правовые корпорации на основе персонального принципа» ****.

Но как организовать нации? Как определить принадлежность лица к той или иной нации?

«Эта принадлежность, — говорит Шпрингер, — устанавливается национальными матрикулами; каждый, живущий в области, должен объявить о своей принадлежности к какой-нибудь нации» *****.

«Персональный принцип, — говорит Бауэр, — предполагает, что население разделится по национальностям... на основе свободных заявлений совершеннолетних граждан», для чего и «должны быть заготовлены национальные кадастры» *****.

* См. «Национальная проблема», стр. 74.

** См. там же, стр. 88—89.

*** См. там же, стр. 89.

**** См. «Национальный вопрос», стр. 552.

***** См. «Национальная проблема», стр. 226.

***** См. «Национальный вопрос», стр. 368.

Далее.

«Все немцы, — говорит Бауэр, — в национально-однородных округах, затем все немцы, внесённые в национальные кадастры двойственных округов, составляют немецкую нацию и избирают национальный совет»*.

То же самое нужно сказать о чехах, поляках и пр.

«Национальный совет, — по Шпрингсру, — это культурно-национальный парламент, которому подлежит установление основ и одобрение средств, нужных для решения о национальном школьном деле, о национальной литературе, искусстве и науке, для устройства академий, музеев, галлерей, театров» и пр.**

Таковы организация нации и центральное учреждение последней.

Создавая такие междуклассовые институты, австрийская с.-д. партия стремится, по мнению Бауэра, к тому, чтобы «сделать национальную культуру... достоянием всего народа и таким единственно возможным образом сплотить всех членов нации в национально-культурную общность»*** (курсив наш).

Можно подумать, что всё это имеет отношение только к Австрии. Но Бауэр с этим не согласен. Он решительно утверждает, что национальная автономия обязательна и в других государствах, состоящих, как Австрия, из нескольких национальностей.

«Национальной политике имущих классов, политике завоевания власти в государстве национальностей, пролетариат всех наций противопоставляет, по мнению Бауэра, своё требование национальной автономии»****.

* См. «Национальный вопрос», стр. 375.

** См. «Национальная проблема», стр. 234.

*** См. «Национальный вопрос», стр. 553.

**** См. там же, стр. 337.

Затем, незаметно подменяя самоопределение наций национальной автономией, продолжает:

«Так национальная автономия, самоопределение наций, неизбежно становится конституционной программой пролетариата всех наций, живущих в государстве национальностей» *.

Но он идёт ещё дальше. Он глубоко верит, что «конституирующиеся» им и Шпрингером междуклассовые «национальные союзы» послужат неким прототипом будущего социалистического общества. Ибо он знает, что «социалистический общественный строй... расчленил человечество на национально-отграниченные общества» **, что при социализме произойдёт «группировка человечества в автономные национальные общества» ***, что «таким образом, социалистическое общество несомненно представит собой пёструю картину личных национальных союзов и территориальных корпораций» ****, что, следовательно, «социалистический принцип национальности является высшим синтезом национального принципа и национальной автономии» *****.

Кажется, довольно...

Таково обоснование культурно-национальной автономии в трудах Бауэра и Шпрингера.

Прежде всего, бросается в глаза совершенно непонятная и ничем не оправдываемая подмена самоопределения наций национальной автономией. Одно из двух: либо Бауэр не понял самоопределения, либо он понял, но почему-то сознательно его суживает. Ибо несомненно, что:

* См. «Национальный вопрос», стр. 333.

** См. там же, стр. 555.

*** См. там же, стр. 556.

**** См. там же, стр. 543.

***** См. там же, стр. 542.

а) культурно-национальная автономия предполагает целостность государства национальностей, самоопределение же выходит из рамок такой целостности; б) самоопределение передаёт нации всю полноту прав, национальная же автономия — только «культурные» права. Это — во-первых.

Во-вторых, вполне возможно в будущем такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность решится выступить из государства национальностей, хотя бы из Австрии, — заявили же русинские с.-д. на Брюнском партийтаге о своей готовности объединить «две части» своего народа в одно целое*. Как быть тогда с «неизбежной для пролетариата всех наций» национальной автономией? Что это за «решение» вопроса, которое механически втискивает нации в прокрустово ложе целостности государства?

Далее. Национальная автономия противоречит всему ходу развития наций. Она даёт лозунг организовать нации, но можно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям? Нет сомнения, что на первых стадиях капитализма нации сплавляются. Но несомненно и то, что на высших стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций, процесс отделения от наций целого ряда групп, уходящих на заработки, а потом и совершенно переселяющихся в другие области государства; при этом переселившиеся теряют старые связи, приобретают

* См. «Дебаты по национальному вопросу на Брюнском партийтаге», стр. 48.

повые на новых местах, усваивают из поколения в поколение новые нравы и вкусы, а, может быть, и новый язык. Спрашивается: возможно ли объединить такие обособившиеся друг от друга группы в единый национальный союз? Где те чудодейственные обручи, при помощи которых можно было бы объединить несоединимое? Мыслимо ли «сплотить в одну нацию», например, прибалтийских и закавказских пемцев? Но если всё это нелепо и невозможно, то чем отличается, в таком случае, национальная автономия от утопии старых националистов, старавшихся повернуть назад колесо истории?

Но единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает ещё изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. На первых стадиях капитализма ещё можно говорить о «культурной общности» пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы «общность» начинает таять. Нельзя серьёзно говорить о «культурной общности» нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга. О какой «общности судьбы» может быть речь, когда буржуазия жаждет войны, а пролетариат объявляет «войну войне»? Можно ли из таких противоположных элементов организовать единый междуклассовый национальный союз? Можно ли после этого говорить о «сплочении всех членов нации в национально-культурную общность»*? Не ясно ли из этого, что национальная автономия противоречит всему ходу классовой борьбы?

* См. «Национальный вопрос» Бауэра, стр. 553.

Но допустим на минуту, что лозунг: «организуи нацию» — осуществимый лозунг. Можно ещё понять буржуазно-националистических парламентариев, старающихся «организовать» нацию для получения лишних голосов. Но с каких пор с.-д. начали заниматься «организацией» наций, «конституированием» наций, «созданием» наций?

Что это за с.-д., которые в эпоху сильнейшего обострения борьбы классов организуют междуклассовые национальные союзы? До сих пор у австрийской — как и у всякой другой — с.-д. была одна задача: организовать пролетариат. Но задача эта, очевидно, «устарела». Теперь Шпрингер и Бауэр ставят «новую», более занятую, задачу: «создать», «организовать» нацию.

Впрочем, логика обязывает: принявший национальную автономию должен принять и эту «новую» задачу, но принять последнюю — это значит сойти с классовой позиции, стать на путь национализма.

Культурно-национальная автономия Шпрингера и Бауэра есть утончённый вид национализма.

И это отнюдь не случайность, что национальная программа австрийских с.-д. обязывает заботиться о «сохранении и развитии национальных особенностей народов». Подумайте только: «сохранить» такие «национальные особенности» закавказских татар, как самобичевание в праздник «Шахсей-Вахсей!» «Развить» такие «национальные особенности» грузин, как «право мести»!..

Такому пункту место в завязанной буржуазно-националистической программе, и если он оказался в программе австрийских с.-д., то потому, что

национальная автономия терпит такие пункты, она не противоречит им.

Но, непригодная для настоящего, национальная автономия ещё более непригодна для будущего, социалистического общества.

Пророчество Бауэра о «расчленении человечества на национально-отграниченные общества» * опровергается всем ходом развития современного человечества. Национальные перегородки не укрепляются, а разрушаются и падают. Маркс ещё в сороковых годах говорил, что «национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь всё более и более исчезают», что «господство пролетариата ещё более ускорит их исчезновение»¹³⁴. Дальнейшее развитие человечества, с его гигантским ростом капиталистического производства, с его перетасовкой национальностей и объединением людей на всё более обширных территориях,— решительно подтверждает мысль Маркса.

Желание Бауэра представить социалистическое общество в виде «пёстрой картины личных национальных союзов и территориальных корпораций» является робкой попыткой заменить марксову концепцию социализма реформированной концепцией Бакунина. История социализма показывает, что всякие такие попытки таят в себе элементы неминуемого краха.

Мы уже не говорим о каком-то расхваливаемом Бауэром «социалистическом принципе национальности», являющемся, по нашему мнению, заменой социалистического принципа **классовой борьбы** буржуазным

* См. в начале этой главы.

«принципом национальности». Если национальная автономия исходит из такого сомнительного принципа, то необходимо признать, что она может принести рабочему движению только вред.

Правда, национализм этот не так прозрачен, ибо он искусно замаскирован социалистическими фразами, но тем более он вреден для пролетариата. С открытым национализмом всегда можно справиться: его не трудно разглядеть. Гораздо труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым. Прикрываясь бронёй социализма, он менее уязвим и более живуч. Живя же среди рабочих, он отравляет атмосферу, распространяя вредные идеи взаимного недоверия и обособления рабочих различных национальностей.

Но вред национальной автономии этим не исчерпывается. Она подготавливает почву не только для обособления наций, но и для раздробления единого рабочего движения. Идея национальной автономии создаёт психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные, построенные по национальностям, партии. За партией дробятся союзы, и получается полное обособление. Так разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки.

Австрия, родина «национальной автономии», даёт наиболее печальные примеры такого явления. Австрийская с.-д. партия, когда-то единая, начала дробиться на отдельные партии ещё с 1897 года (Вимбергский партейтаг¹³⁵). После Брюннского партейтага (1899), принявшего национальную автономию, дробление ещё больше усилилось. Наконец, дело дошло до того, что вместо единой интернациональной партии имеется теперь шесть национальных, из коих чешская с.-д.

партия даже не хочет иметь дела с немецкой социал-демократией.

Но с партиями связаны профессиональные союзы. В Австрии, как в тех, так и в других, главную работу несут те же самые с.-д. рабочие. Поэтому можно было опасаться, что сепаратизм в партии поведёт к сепаратизму в союзах, что союзы также расколются. Оно так и произошло: союзы также разделились по национальностям. Теперь нередко дело доходит даже до того, что чешские рабочие ломают забастовку немецких рабочих или выступают на выборах в муниципалитеты вместе с чешскими буржуа против немецких рабочих.

Отсюда видно, что культурно-национальная автономия не разрешает национального вопроса. Мало того: она обостряет и запутывает его, создавая благоприятную почву для разрушения единства рабочего движения, для обособления рабочих по национальностям, для усиления трений между ними.

Такова жатва национальной автономии.

V

БУНД, ЕГО НАЦИОНАЛИЗМ, ЕГО СЕПАРАТИЗМ

Выше мы говорили, что Бауэр, признающий национальную автономию необходимой для чехов, поляков и т. д., высказывается, тем не менее, против такой автономии для евреев. На вопрос: «должен ли рабочий класс требовать автономии для еврейского народа» Бауэр отвечает, что «национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих» *. Причина, по мнению

* См. «Национальный вопрос», стр. 381, 396.

Бауэра, в том, что «капиталистическое общество не даёт им (евреям. И. Ст.) сохраниться как нации»*.

Короче: еврейская нация перестаёт существовать — стало быть, не для кого требовать национальной автономии. Евреи ассимилируются.

Взгляд этот о судьбе евреев, как нации, не нов. Его высказал Маркс ещё в сороковых годах**¹³⁶, имея в виду, главным образом, немецких евреев. Его повторил Каутский в 1903 году***, имея в виду русских евреев. Теперь его повторяет Бауэр относительно австрийских евреев, с той, однако, разницей, что у него отрицается не настоящее, а будущее еврейской нации.

Невозможность сохранения евреев, как нации, Бауэр объясняет тем, что «евреи не имеют замкнутой колонизационной области»****. Объяснение это, в основе правильное, не выражает, однако, всей истины. Дело, прежде всего, в том, что у евреев нет связанного с землёй широкого устойчивого слоя, естественно скрепляющего нацию не только как её остов, но и как «национальный» рынок. Из 5—6 миллионов русских евреев только 3—4 процента связаны так или иначе с сельским хозяйством. Остальные 96% заняты в торговле, промышленности, в городских учреждениях и, вообще, живут в городах, причём, рассеянные по России, ни в одной губернии не составляют большинства.

Таким образом, вкрапленные в инонациональные области в качестве национальных меньшинств, евреи

* См. «Национальный вопрос», стр. 389.

** См. его «К еврейскому вопросу», 1906 г.

*** См. его «Кишинёвская резня и еврейский вопрос», 1903 г.

**** См. «Национальный вопрос», стр. 388.

обслуживают, главным образом, «чужие» нации и как промышленники и торговцы, и как люди свободных профессий, естественно приспособляясь к «чужим нациям» в смысле языка и пр. Всё это, в связи с растущей перетасовкой национальностей, свойственной развитым формам капитализма, ведёт к ассимиляции евреев. Уничтожение «черты оседлости» может лишь ускорить ассимиляцию.

Ввиду этого вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьёзный характер: предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой трудно ещё доказать!

Тем не менее, Бунд стал на эту курьёзную и шаткую позицию, приняв на своём VI съезде (1905 г.) «национальную программу» в духе национальной автономии.

Два обстоятельства толкали Бунд на такой шаг.

Первое обстоятельство — это существование Бунда как организации еврейских с.-д. рабочих и только еврейских. Ещё до 1897 г. с.-д. группы, работавшие среди еврейских рабочих, ставили себе целью создание «специально еврейской рабочей организации»*. В 1897 году они и создали такую организацию, объединившись в Бунд. Это ещё в то время, когда российская социал-демократия, как целое, фактически не существовала. С тех пор Бунд непрерывно рос и расширялся, всё более выделяясь на фоне серых дней российской социал-демократии... Но вот наступают девятисотые годы. Начинается массовое рабочее движение. Растёт польская

* См. «Формы национального движения» с.с. под редакцией Кастаньянского, стр. 772.

с.-д. и втягивает в массовую борьбу еврейских рабочих. Растёт российская с.-д. и привлекает к себе «бундовских» рабочих. Национальные рамки Бунда, лишённые территориальной базы, становятся тесными. Перед Бундом вопрос: либо раствориться в общей интернациональной волне, либо отстоять своё самостоятельное существование, как экстерриториальной организации. Бунд выбирает последнее.

Так создаётся «теория» Бунда, как «единственного представителя еврейского пролетариата».

Но оправдать эту странную «теорию» как-нибудь «просто» становится невозможным. Необходима какая-либо «принципиальная» подкладка, «принципиальное» оправдание. Такой подкладкой и оказалась культурно-национальная автономия. Бунд и ухватился за неё, позаимствовав её у австрийской с.-д. Не будь такой программы у австрийцев, Бунд выдумал бы её для того, чтобы «принципиально» оправдать своё самостоятельное существование.

Таким образом, после робкой попытки в 1901 г. (IV съезд) Бунд окончательно принимает «национальную программу» в 1905 г. (VI съезд).

Второе обстоятельство — это особое положение евреев, как отдельных национальных меньшинств, внутри и национальных компактных большинств целостных областей. Мы уже говорили, что такое положение подрывает существование евреев как нации, ставит их на путь ассимиляции. Но это — процесс объективный. Субъективно, в головах евреев, он вызывает реакцию и ставит вопрос о гарантии прав национального меньшинства, о гарантии от ассимиляции. Проповедуя жизнеспособность еврейской «национальности», Бунд не мог

не стать на точку зрения «гарантии». Став же на такую позицию, он не мог не принять национальной автономии. Ибо если и мог ухватиться Бунд за какую-либо автономию, то только за национальную, т. е. культурно-национальную: о территориально-политической автономии евреев не могло быть и речи ввиду отсутствия у евреев определённой целостной территории.

Характерно, что Бунд с самого начала подчёркивал характер национальной автономии как гарантии прав национальных меньшинств, как гарантии «свободного развития» наций. Не случайно и то, что представитель Бунда на II съезде российской социал-демократии Гольдблат формулировал национальную автономию как «учреждения, гарантирующие им (нациям. И. Ст.) полную свободу культурного развития»*. С таким же предложением вошли в четвёртую с.-д. думскую фракцию сторонники идей Бунда...

Так стал Бунд на курьёзную позицию национальной автономии евреев.

Выше мы разобрали национальную автономию вообще. Разбор показал, что национальная автономия ведёт к национализму. Ниже мы увидим, что Бунд пришёл к такому же концу. Но Бунд рассматривает национальную автономию ещё со специальной стороны, со стороны гарантий прав национальных меньшинств. Разберём вопрос и с этой, специальной стороны. Это тем более необходимо, что вопрос о национальных меньшинствах — и не только еврейских — имеет для социал-демократии серьёзное значение.

* См. Протоколы II съезда, стр. 176.

Итак, «учреждения, гарантирующие» нациям «полную свободу культурного развития» (курсив наш. И. Ст.).

Но что это за «учреждения, гарантирующие» и пр.?

Это прежде всего «национальный совет» Шпрингера-Бауэра, нечто вроде сейма по культурным делам.

Но могут ли эти учреждения гарантировать «полную свободу культурного развития» нации? Могут ли какие-либо сеймы по культурным делам гарантировать нации от националистических репрессий?

Бунд полагает, что могут.

Но история говорит обратное.

В русской Польше одно время существовал сейм, сейм политический, и он, конечно, старался гарантировать свободу «культурного развития» поляков, но он не только не успел в этом, а — наоборот — сам пал в неравной борьбе с общеполитическими условиями в России.

В Финляндии давно существует сейм, который также старается защищать финскую национальность от «покушений», но много ли удаётся ему сделать в этом направлении — это все видят.

Конечно, сейм сейму рознь, и с демократически организованным финляндским сеймом не так легко справиться, как с аристократическим польским. Но решающим является всё же не сам сейм, а общие порядки в России. Будь теперь в России такие же грубо-азиатские общественно-политические порядки, как в прошлом, в годы упразднения польского сейма, — финляндскому сейму пришлось бы куда хуже. Кроме того, политика «покушений» на Финляндию растёт, и нельзя сказать, чтобы она терпела поражения...

Если так обстоит дело со старыми, исторически-сложившимися учреждениями, с политическими сеймами, — то тем более не могут гарантировать свободного развития наций молодые сеймы, молодые учреждения, да ещё такие слабые, как «культурные» сеймы.

Дело, очевидно, не в «учреждениях», а в общих порядках в стране. Нет в стране демократизации — нет и гарантий «полной свободы культурного развития» национальностей. Можно с уверенностью сказать, что чем демократичнее страна, тем меньше «покушений» на «свободу национальностей», тем больше гарантий от «покушений».

Россия — страна полуазиатская, и потому политика «покушений» принимает там нередко самые грубые формы, формы погрома. Нечего и говорить, что «гарантии» доведены в России до крайнего минимума.

Германия — уже Европа с большей или меньшей политической свободой. Неудивительно, что политика «покушений» никогда не принимает там формы погрома.

Во Франции, конечно, ещё больше «гарантий», так как Франция демократичнее Германии.

Мы уже не говорим о Швейцарии, где, благодаря её высокой, хотя и буржуазной, демократичности, национальностям живётся свободно — всё равно, представляют ли они меньшинство или большинство.

Итак, Бунд стоит на ложном пути, утверждая, что «учреждения» сами по себе могут гарантировать полное культурное развитие национальностей.

Могут заметить, что Бунд сам считает демократизацию в России предварительным условием «создания учреждений» и гарантий свободы. Но это неверно. Из

«Отчёта о VIII конференции Бунда»¹³⁷ видно, что Бунд думает добиться «учреждений» на основе теперешних порядков в России, путём «реформирования» еврейской общины.

«Община,— говорил на этой конференции один из лидеров Бунда,— может стать ядром будущей культурно-национальной автономии. Культурно-национальная автономия есть форма самообслуживающая нации, форма удовлетворения национальных потребностей. Под формой общины скрывается то же содержание. Это — звенья одной цепи, этапы одной эволюции»*.

Исходя из этого, конференция решила, что нужно бороться «за реформирование еврейской общины и превращение её законодательным путём в светское учреждение», организованное демократически** (курсив наш. И. Ст.).

Ясно, что условием и гарантией считает Бунд не демократизацию России, а будущее «светское учреждение» евреев, полученное путём «реформирования еврейской общины», так сказать, в порядке «законодательном», через Думу.

Но мы уже видели, что «учреждения» сами по себе, без демократических порядков во всём государстве, не могут служить «гарантиями».

Ну, а как, всё-таки, при будущем демократическом строе? Не понадобятся ли и при демократизме специальные «культурные учреждения, гарантирующие» и пр.? Как обстоит дело на этот счёт, например, в демократической Швейцарии? Есть ли там специальные культурные учреждения, вроде шпрингеровского «национального

* См. «Отчёт о VIII конференции Бунда», 1911 г., стр. 62.

** См. там же, стр. 83—84.

совета»? Их там нет. Но не страдают ли через это культурные интересы, например, итальянцев, составляющих там меньшинство? Что-то не слышно. Да оно и понятно: демократия в Швейцарии делает лишними всякие специально-культурные «учреждения», якобы «гарантирующие» и прочее.

Итак, бессильные в настоящем, излишние в будущем — таковы учреждения культурно-национальной автономии, такова национальная автономия.

Но она становится ещё вредней, когда её навязывают «нации», существование и будущее которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности «нации», не только полезные, но и вредные, — лишь бы «спасти нацию» от ассимиляции, лишь бы «уберечь» её.

На этот опасный путь неминуемо должен был вступить Бунд. И он действительно вступил. Мы имеем в виду известные постановления последних конференций Бунда о «субботе», «жаргоне» и пр.

Социал-демократия добивается права родного языка для всех наций, но Бунд этим не удовлетворяется, — он требует, чтобы «с особенной настойчивостью» отстаивали «права еврейского языка» (курсив наш. И. Ст.)*, причём сам Бунд, при выборах в IV Думу, отдаёт «предпочтение тому из них (т. е. выборщиков), который обязуется отстаивать права еврейского языка»**.

Не общее право родного языка, а отдельное право еврейского языка, жаргона! Пусть рабочие

* См. «Отчёт о VIII конференции Бунда», стр. 85.

** См. «Отчёт о IX конференции Бунда», 1912 г., стр. 42.

отдельных национальностей борются прежде всего за свой язык: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр. Борьба за общее право всех наций — вещь второстепенная. Вы можете и не признавать права родного языка всех угнетённых национальностей; но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас, Бунд «предпочтёт» вас.

Но чем же отличается тогда Бунд от буржуазных националистов?

Социал-демократия добивается установления одного обязательного дня отдыха в неделю, но Бунд не удовлетворяется этим, он требует, чтобы «в законодательном порядке» было «обеспечено еврейскому пролетариату право праздновать субботу, при устранении принуждения праздновать и другой день»*.

Надо думать, что Бунд сделает «шаг вперёд» и потребует права празднования всех старо-еврейских праздников. А если, к несчастью Бунда, еврейские рабочие отрешились от предрассудков и не желают праздновать, то Бунд своей агитацией за «право субботы» будет им напоминать о субботе, культивировать в них, так сказать, «дух субботний»...

Вполне понятны поэтому «пламенные речи» ораторов на VIII конференции Бунда с требованием «еврейских больниц», причём требование это обосновывалось тем, что «большой чувствует себя лучше среди своих», что «еврейский рабочий будет чувствовать себя плохо среди польских рабочих, он будет чувствовать себя хорошо среди еврейских лавочников»**.

* См. «Отчёт о VIII конференции Бунда», стр. 83.

** См. там же, стр. 68.

Сохранить всё еврейское, консервировать все национальные особенности евреев, вплоть до заведомо вредных для пролетариата, отграничить евреев от всего нееврейского, даже особые больницы устроить, — вот до чего опустился Бунд!

Товарищ Плеханов был тысячу раз прав, говоря, что Бунд «приспособляет социализм к национализму». Конечно, Вл. Коссовский и подобные ему бундовцы могут ругать Плеханова «демагогом» * 138 — бумага всё терпит, — но знакомым с деятельностью Бунда не трудно понять, что эти храбрые люди просто боятся сказать правду о себе, прикрываясь крепкими словами о «демагогии»...

Но, оставаясь на такой позиции в национальном вопросе, Бунд, естественно, должен был и в организационном вопросе стать на путь обособления еврейских рабочих, на путь национальных курий в социал-демократии. Такова уж логика национальной автономии!

И действительно, от теории «единственного представительства» Бунд переходит к теории «национального размежевания» рабочих. Бунд требует от российской социал-демократии, чтобы она «провела в своём организационном строении размежевание по национальностям» **. От «размежевания» же он делает «шаг вперёд» к теории «обособления». Недаром на VIII конференции Бунда раздавались речи о том, что «в обособлении — национальное существование» ***.

* См. «Наша Заря» 1912 г., № 9—10, стр. 120.

** См. «Извещение о VII съезде Бунда»¹³⁹, стр. 7.

*** См. «Отчёт о VIII конференции Бунда», стр. 72.

Организационный федерализм таит в себе элементы разложения и сепаратизма. Бунд идёт к сепаратизму.

Да ему, собственно, и некуда больше идти. Самое его существование, как экстерриториальной организации, гонит его на путь сепаратизма. У Бунда нет определённой целостной территории, он подвизается на «чужих» территориях, между тем как соприкасающиеся с ним польская, латышская и российская социал-демократии являются интернационально-территориальными коллективами. Но это ведёт к тому, что каждое расширение этих коллективов означает «урон» для Бунда, сужение его поля деятельности. Одно из двух: либо вся российская социал-демократия должна перестроиться на началах национального федерализма, — и тогда Бунд получает возможность «обеспечить» себе еврейский пролетариат; либо территориально-интернациональный принцип этих коллективов остаётся в силе, — и тогда Бунд перестраивается на началах интернациональности, как это имеет место в польской и латышской социал-демократии.

Этим и объясняется, что Бунд с самого начала требует «преобразования российской с.-д. на федеративных началах»*.

В 1906 году Бунд, уступая объединительной волне в низах, избрал средний путь, войдя в российскую социал-демократию. Но как он вошёл туда? В то время как польская и латышская социал-демократии вошли для мирной совместной работы, Бунд вошёл с целью войны

* См. «К вопросу о национальной автономии и преобразовании российской социал-демократии на федеративных началах», 1902 г., изд. Бунда.

за федерацию. Лидер бундовцев Медем так и говорил тогда:

«Мы идём не для идиллии, а для борьбы. Идиллии нет, и ждать её в близком будущем могут только Маниловы. Бунд должен вступить в партию вооружённым с головы до ног»*.

Было бы ошибочно видеть в этом злую волю Медема. Дело не в злой воле, а в особой позиции Бунда, в силу которой он не может не бороться с российской социал-демократией, построенной на началах интернациональности. Борьба же с ней, Бунд, естественно, нарушал интересы единства. Наконец, дело доходит до того, что Бунд формально порывает с российской социал-демократией, нарушив устав и объединившись на выборах в IV Думу с польскими националистами против польских с.-д.

Бунд, очевидно, нашёл, что разрыв является наилучшим обеспечением его самостоятельности.

Так «принципы» организационного «размежевания» привёл к сепаратизму, к полному разрыву.

Полемизировал о федерализме со старой «Искрой»¹⁴⁰, Бунд писал когда-то:

«Искра» хочет нас уверить, что федеративные отношения Бунда к российской социал-демократии должны ослабить связи между ними. Мы не можем опровергнуть это мнение ссылкой на практику в России по той простой причине, что российская с.-д. не существует как федеративное соединение. Но мы можем сослаться на чрезвычайно поучительный опыт социал-демократии в Австрии, принявшей федеративный характер на основании решения партсъезда 1897 г.»**

* См. «Наше Слово» № 3, стр. 24. Вильна, 1906 г.

** См. «К вопросу о национальной автономии» etc., 1902 г., стр. 17, изд. Бунда.

Это писалось в 1902 г.

Но теперь у нас 1913 год. У нас есть теперь и российская «практика», и «опыт с.-д. Австрии».

О чём же они говорят?

Начнём с «чрезвычайно поучительного опыта с.-д. Австрии». Ещё до 1896 года в Австрии существует единая с.-д. партия. В этом году впервые требуют чехи на Лондонском международном конгрессе отдельного представительства и получают его. В 1897 году, на Венском партийтаге (в Вимберге), единая партия формально ликвидируется и устанавливается вместо неё федеративный союз шести национальных «с.-д. групп». Далее эти «группы» превращаются в самостоятельные партии. Партии мало-помалу разрывают связи между собой. За партиями разрывается парламентская фракция — образуются национальные «клубы». Далее идут союзы, которые тоже дробятся по национальностям. Дело доходит даже до кооперативов, к дроблению которых призывают рабочих чешские сепаратисты*. Мы уже не говорим о том, что сепаратистская агитация ослабляет у рабочих чувство солидарности, толкая их передню на путь штрейкбрехерства.

Итак, «чрезвычайно поучительный опыт социал-демократии Австрии» говорит против Бунда, за старую «Искру». Федерализм в австрийской партии привёл к самому безобразному сепаратизму, к разрушению единства рабочего движения.

Мы видели выше, что «практика в России» говорит о том же. Бундовские сепаратисты, так же как и

* См. в «Dokumente des Separatismus» слова из брошюры Ваиска¹⁴¹, стр. 29.

чешские, порвали с общей, российской социал-демократией. Что касается союзов, бундовских союзов, то они с самого пачала были организованы на началах национальности, т. е. были оторваны от рабочих других национальностей.

Полное обособление, полный разрыв — вот что показывает «русская практика» федерализма.

Неудивительно, что такое положение вещей отзывается на рабочих ослаблением чувства солидарности и деморализацией, причём последняя проникает и в Бунд. Мы имеем в виду всё учащающиеся стычки еврейских и польских рабочих на почве безработицы. Вот какие речи раздавались по этому поводу на IX конференции Бунда:

«...Мы рассматриваем польских рабочих, вытесняющих нас, как погромщиков, как жёлтых, не поддерживаем их стачек, срываем их. Во-вторых, отвечаем на вытеснение вытеснением: в ответ на недопущение еврейских рабочих на фабрики мы не допускаем польских рабочих к ручным станкам... Если мы не возьмём в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими»* (курсив наш. И. Ст.).

Так говорят о солидарности на бундовской конференции.

В «размежевании» и «обособлении» дальше некуда идти. Бунд достиг цели: он межует рабочих разных национальностей до драки, до интригбредхерства. Нельзя иначе: «если мы не возьмём в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими»...

Дезорганизация рабочего движения, деморализация в рядах социал-демократии — вот куда приводит бундовский федерализм.

* См. «Отчёт о IX конференции Бунда», стр. 19.

Таким образом, идея культурно-национальной автономии, атмосфера, которую она создаёт, оказалась ещё более вредной в России, чем в Австрии.

VI

КАВКАЗЦЫ, КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИКВИДАТОРОВ

Выше мы говорили о шатаниях одной части кавказских социал-демократов, не устоявшей против националистического «поветрия». Шатания эти выразились в том, что упомянутые социал-демократы пошли — как это ни странно — по следам Бунда, провозгласив культурно-национальную автономию.

Областная автономия для всего Кавказа и культурно-национальная автономия для наций, входящих в состав Кавказа, — так формулируют своё требование эти социал-демократы — кстати сказать, примыкающие к русским ликвидаторам.

Выслушаем их признанного лидера, небезызвестного **И.**

«Всем известно, что Кавказ глубоко отличается от центральных губерний как по расовому составу своего населения, так и по территории и сельскохозяйственной культуре. Эксплуатация и материальное развитие такого края требуют местных работников, знатоков местных особенностей, привыкших к местному климату и культуре. Необходимо, чтобы все законы, преследующие цели эксплуатации местной территории, издавались на месте и проводились местными силами. Следовательно, в компетенцию центрального органа кавказского самоуправления войдёт издание законов по местным вопросам... Таким образом, функции кавказского центра состоят в издании таких законов, которые преследуют цели хозяйственной эксплуатации местной территории, цели материального процветания края»*.

* См. грузинскую газету «Чвени Цховреба» («Наша Жизнь») ¹⁴², 1912 г., № 12.

Итак — областная автономия Кавказа.

Если отвлечься от мотивировки **Н.**, несколько сбивчивой и нескладной, следует признать, что вывод у него правильный. Областная автономия Кавказа, действующая в рамках общегосударственной конституции, чего и **Н.** не отрицает, — в самом деле необходима ввиду особенностей состава и бытовых условий последнего. Это признано и российской социал-демократией, провозгласившей на II съезде «областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно-русских областей».

Внося этот пункт на обсуждение II съезда, Мартов мотивировал его тем, что «громадное пространство России и опыт нашего централизованного управления дают нам повод считать необходимым и целесообразным существование областного самоуправления для таких крупных единиц, как Финляндия, Польша, Литва и Кавказ».

Но из этого следует, что под областным самоуправлением нужно понимать областную автономию.

Но **Н.** идёт дальше. По его мнению, областная автономия Кавказа захватывает «лишь одну сторону вопроса».

«До сих пор мы говорили только о материальном развитии местной жизни. Но экономическому развитию края способствует не только экономическая деятельность, но и духовная, культурная... «Культурно сильная нация сильна и в экономической сфере»... «Но культурное развитие наций возможно лишь на национальном языке»... «Поэтому все те вопросы, которые связаны с родным языком, являются вопросами культурно-национальными. Таковы вопросы просвещения, судопроизводства, церкви, литературы, искусства, науки, театра и пр. Если дело материального

развития края объединяет нации, то национально-культурные дела разъединяют их, ставя каждую из них на отдельное поприще. Деятельность первого рода связана с определённой территорией»... «Не то — культурно-национальные дела. Они связаны не с определённой территорией, а с существованием определённой нации. Судьбы грузинского языка одинаково интересуют грузина, где бы он ни жил. Было бы большим невежеством сказать, что грузинская культура касается только проживающих в Грузии грузин. Возьмём, например, армянскую церковь. В ведении её дел принимают участие армяне разных мест и государств. Здесь территория не играет никакой роли. Или, например, в создании грузинского музея заинтересован как тифлисский грузин, так и бакинский, кутаисский, петербургский и прочий. Значит, заведывание и руководство всеми культурно-национальными делами должно быть предоставлено самим заинтересованным нациям. Мы провозглашаем культурно-национальную автономию кавказских национальностей» *.

Короче: так как культура — не территория, а территория — не культура, то необходима культурно-национальная автономия. Это всё, что может сказать Н. в пользу последней.

Мы не будем здесь ещё раз касаться национально-культурной автономии вообще: выше мы уже говорили об её отрицательном характере. Нам хотелось бы только отметить, что, непригодная вообще, культурно-национальная автономия является ещё бессмысленной и вздорной с точки зрения кавказских условий.

И вот почему.

Культурно-национальная автономия предполагает более или менее развитие национальности, с развитой культурой, литературой. Без этих условий автономия эта теряет всякий смысл, превращается в нелепицу. Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с

* См. грузинскую газету «Чвени Цховреба» 1912 г., № 12.

примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше. Как применить к ним культурно-национальную автономию? Как быть с такими народностями? Как их «организовать» в отдельные культурно-национальные союзы, что несомненно предполагается культурно-национальной автономией?

Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их «организовать» в национальные союзы? Вокруг каких «культурных дел» их «организовать»?

Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко ещё не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их «организовать» в единый национальный союз?

К какому национальному союзу отнести аджарцев, говорящих на грузинском языке, но живущих турецкой культурой и исповедующих ислам? Не «организовать» ли их отдельно от грузин на почве религиозных дел и вместе с грузинами на почве прочих культурных дел? А кобулеты? А ингуши? А ингилойцы?

Что это за автономия, исключавшая из списка целый ряд народностей?

Нет, это не решение национального вопроса, — это плод досужей фантазии.

Но допустим недопустимое и предположим, что национально-культурная автономия нашего **II**. осуществ-

вилась. К чему она поведёт, к каким результатам? Взять, например, закавказских татар с их минимальным процентом грамотности, с их школами, во главе которых стоят всеильные муллы, с их культурой, проникнутой религиозным духом... Не трудно понять, что «организовать» их в культурно-национальный союз — это значит поставить во главе их мулл, это значит отдать их на съедение реакционным муллам, это значит создать новый бастион для духовного закабаления татарских масс злейшим врагом последних.

Но с каких пор социал-демократы стали лить воду на мельницу реакционеров?

Отграничить закавказских татар в культурно-национальный союз, закабалить массы злейшим реакционером, — неужели ничего лучшего не могли «провозгласить» кавказские ликвидаторы?..

Нет, это не решение национального вопроса.

Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперёд и облегчает им доступ к благам высшей культуры. Между тем как культурно-национальная автономия действует в прямо противоположном направлении, ибо она замыкает нации в старые скорлупы, закрепляет их на низших ступенях развития культуры, мешает им подняться на высшие ступени культуры.

Тем самым национальная автономия парализует положительные стороны областной автономии, обращает последнюю в нуль.

Именно поэтому непригоден и тот смешанный тип автономии с сочетанием национально-культурной и областной, которую предлагает II. Это противосестественное сочетание не улучшает дела, а ухудшает, ибо оно, кроме того, что задерживает развитие запоздалых наций, превращает ещё областную автономию в арену столкновений наций, организовавших в национальные союзы.

Таким образом, непригодная вообще, культурно-национальная автономия превратилась бы на Кавказе в бессмысленную реакционную затею.

Такова культурно-национальная автономия II. и его кавказских единомышленников.

Сделают ли кавказские ликвидаторы «шаг вперёд» и последуют ли за Бундом и в организационном вопросе — покажет будущее. До сих пор в истории социал-демократии федерализм в организации всегда предшествовал национальной автономии в программе. Австрийские с.-д. ещё с 1897 года проводили организационный федерализм и только через два года (1899) приняли национальную автономию. Бундовцы первый раз заговорили внятно о национальной автономии в 1901 году, между тем как организационный федерализм практиковали ещё с 1897 года.

Кавказские ликвидаторы начали дело с конца, с национальной автономии. Если они дальше пойдут по стопам Бунда, то им придётся предварительно разрушить всё нынешнее организационное здание, построенное ещё в конце 90-х годов на началах интернациональности.

Но насколько легко было принять пока ещё непонятную для рабочих национальную автономию, настолько же трудно будет разрушить годами строившееся здание, взлелеянное и воеванное рабочими всех национальностей Кавказа. Стоит приступить к этой героической затее, чтобы рабочие открыли глаза и поняли националистическую сущность культурно-национальной автономии.

Если кавказцы решают национальный вопрос обыкновенным способом, путём устных прений и литературной дискуссии, то всероссийская конференция ликвидаторов придумала совершенно необыкновенный способ. Лёгкий и простой способ. Слушайте:

«Выслушав сообщение кавказской делегации... о необходимости выставить требование национально-культурной автономии, конференция, не высказываясь по существу этого требования, констатирует, что такое толкование пункта программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идёт вразрез с точным смыслом последней».

Итак, прежде всего — «не высказываться по существу этого» вопроса, а потом — «констатировать». Оригинальный метод...

Что же «констатирует» эта оригинальная конференция?

А то, что «требование» национально-культурной автономии «не идёт вразрез с точным смыслом» программы, признающей право наций на самоопределение.

Разберём это положение.

Пункт о самоопределении говорит о правах наций. По этому пункту нации имеют право не только на автономию, но и на отделение. Речь идёт о политическом

самоопределении. Кого хотели обмануть ликвидаторы, пытаясь перетолковать вкривь и вкось это издавна установленное во всей международной социал-демократии право политического самоопределения наций?

Или, может быть, ликвидаторы станут увёртываться, защищаясь софизмом: дескать, культурно-национальная автономия «не идёт вразрез» с правами наций? То есть, если все нации данного государства согласятся устроиться на началах культурно-национальной автономии, то они, данная сумма наций, имеют на это полное право, и никто не может им насильственно навязать другую форму политической жизни. И пово, и умно. Не добавит ли, что, говоря вообще, нации имеют право отменить у себя конституцию, заменить её системой произвола, вернуться к старым порядкам, ибо нации, и только сами нации, имеют право определять свою собственную судьбу. Повторяем: в этом смысле ни культурно-национальная автономия, ни любая национальная реакционность «не идёт вразрез» с правами наций.

Не это ли хотела сказать почтенная конференция?

Нет, не это. Она прямо говорит, что культурно-национальная автономия «не идёт вразрез» не с правами наций, а «с точным смыслом» программы. Речь здесь о программе, а не о правах наций.

Оно и понятно. Если бы к конференции ликвидаторов обратилась какая-либо нация, то конференция могла бы прямо констатировать, что нация имеет право на культурно-национальную автономию. Но к конференции обратилась не нация, а «делегация» кавказских социал-демократов, правда, плохих социал-демократов, но всё-таки социал-демократов. И спрашивали

они не о правах наций, а о том, не противоречит ли культурно-национальная автономия принципам социал-демократии, не идёт ли она «вразрез» «с точным смыслом» программы социал-демократии?

Итак, права наций и «точный смысл» программы социал-демократии — не одно и то же.

Очевидно, есть и такие требования, которые, не идя вразрез с правами наций, могут идти вразрез с «точным смыслом» программы.

Пример. В программе социал-демократов имеется пункт о свободе вероисповедания. По этому пункту любая группа лиц имеет право исповедывать любую религию: католицизм, православие и т. д. Социал-демократия будет бороться против всяких религиозных репрессий, против гонений на православных, католиков и протестантов. Значит ли это, что католицизм и протестантизм и т. д. «не идут вразрез с точным смыслом» программы? Нет, не значит. Социал-демократия всегда будет протестовать против гонений на католицизм и протестантизм, она всегда будет защищать право наций исповедывать любую религию, но в то же время она, исходя из правильно понятых интересов пролетариата, будет агитировать и против католицизма, и против протестантизма, и против православия, с тем чтобы доставить торжество социалистическому мировоззрению.

И она будет это делать потому, что протестантизм, католицизм, православие и т. д., без сомнения, «идут вразрез с точным смыслом» программы, т. е. с правильно понятыми интересами пролетариата.

То же самое нужно сказать о самоопределении. Нации имеют право устроиться по своему желанию, они имеют право сохранить любое своё национальное

учреждение, и вредное, и полезное, — никто не может (не имеет права!) насильственно вмешиваться в жизнь наций. Но это ещё не значит, что социал-демократия не будет бороться, не будет агитировать против вредных учреждений наций, против нецелесообразных требований наций. Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на волю наций так, чтобы нации устроились в форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата. Именно поэтому она, борясь за право наций на самоопределение, в то же время будет агитировать, скажем, и против отделения татар, и против культурно-национальной автономии кавказских наций, ибо и то и другое, не идя вразрез с правами этих наций, идёт, однако, вразрез **«с точным смыслом» программы**, т. е. с интересами кавказского пролетариата.

Очевидно, «права наций» и «точный смысл» программы — две совершенно различные плоскости. В то время как «точный смысл» программы выражает интересы пролетариата, научно сформулированные в программе последнего, — права наций могут выражать интересы любого класса — буржуазии, аристократии, духовенства и т. д., смотря по силе и влиянию этих классов. Там обязанности марксиста, здесь права наций, состоящих из разных классов. Права наций и принципы социал-демократизма так же могут идти или не идти вразрез» друг с другом, как, скажем, Хеопсова пирамида — с пресловутой конференцией ликвидаторов. Они просто несравнимы.

Но из этого следует, что почтенная конференция самым непростительным образом спутала две совершенно различные вещи. Получилось не разрешение нацио-

нального вопроса, а бессмыслица, в силу которой права наций и принципы социал-демократии «не идут вразрез» друг с другом, — следовательно, каждое требование наций может быть совмещено с интересами пролетариата, следовательно, ни одно требование наций, стремящихся к самоопределению, не будет «итти вразрез с точным смыслом» программы!

Не пожалели логики...

На почве этой бессмыслицы и выросло то отныне знаменитое постановление конференции ликвидаторов, по которому требование национально-культурной автономии «не идёт вразрез с точным смыслом» программы.

По конференции ликвидаторов нарушает не только законы логики.

Она нарушает ещё свой долг перед российской социал-демократией, санкционируя культурно-национальную автономию. Она самым определённым образом нарушает «точный смысл» программы, ибо известно, что II съезд, припавший программу, решительно отверг культурно-национальную автономию. Вот что говорилось по этому поводу на этом съезде:

«Гольдблат (бундовец): ...Я считаю необходимым создание особых учреждений, которые обеспечивали бы свободу культурного развития национальностей, и потому предлагаю прибавить к § 8 — «и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного развития» (это, как известно, бундовская формулировка культурно-национальной автономии. И. Ст.).

Мартышов указывает на то, что общие учреждения должны быть устроены так, чтобы они обеспечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого **особого** учреждения, обеспечивающего свободу культурного развития национальности.

Егоров: В вопросе о национальности мы можем принять лишь отрицательные предложения, т. е. мы против всяких стеснений национальности. Но нам, как социал-демократам, нет дела до

того, будет ли та или другая национальность развиваться как таковая. Это — дело стихийного процесса.

Кольцов: Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходит речь об их национализме. Между тем та поправка, которая внесена делегатом от Бунда, — чисто националистического характера. От нас требуют чисто наступательных мер для поддержания даже тех национальностей, которые вымирают.

...В результате «поправка Гольдבלата отвергнута большинством против трёх».

Итак, ясно, что конференция ликвидаторов пошла «вразрез с точным смыслом» программы. Она нарушила программу.

Теперь ликвидаторы пытаются оправдаться, ссылаясь на Стокгольмский съезд, который якобы санкционировал культурно-национальную автономию. Так, Вл. Коссовский пишет:

«Как известно, по договору, припятому на Стокгольмском съезде, Бунду предоставлено было сохранить свою национальную программу (до решения национального вопроса на общепартийном съезде). Этот съезд признал, что национально-культурная автономия во всяком случае не противоречит общепартийной программе»*.

Но попытки ликвидаторов тщетны. Съезд в Стокгольме и не думал санкционировать программу Бунда — он просто согласился временно оставить вопрос открытым. Храброму Коссовскому не хватило мужества сказать всю правду. Но факты сами говорят о себе. Вот они:

«Вносятся поправка Галиным: «Вопрос о национальной программе остаётся открытым ввиду нерассмотрения его съездом». (За — 50 голосов, против — 32.)

Голос. Что значит — открытым?

* См. «Папа Заря» 1912 г., № 9—10, стр. 120.

Председатель. Если мы говорим, что национальный вопрос остаётся открытым, то это значит, что Бунд до следующего съезда может сохранить своё решение по этому вопросу» * (курсив наш. И. Ст.).

Как видите, съезд даже «не рассмотрел» вопроса о национальной программе Бунда — он просто оставил его «открытым», предоставив самому Бунду решить судьбу своей программы до следующего общего съезда. Другими словами: съезд в Стокгольме уклонился от вопроса, не дав оценки культурно-национальной автономии ни в ту, ни в другую сторону.

Между тем, конференция ликвидаторов самым определённым образом входит в оценку дела, признаёт культурно-национальную автономию приемлемой и санкционирует её именем программы партии.

Разница бросается в глаза.

Таким образом, конференция ликвидаторов, несмотря на всякие ухищрения, ни на шаг не двинула вперёд национального вопроса.

Влияние перед Бундом и кавказскими национал-ликвидаторами — это всё, на что она оказалась способной.

VII

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

Пам остаётся памстить положительное решение национального вопроса.

Мы исходим из того, что вопрос может быть решён лишь в неразрывной связи с переживаемым в России моментом.

* См. «Наше Слово» № 8, 1906 г., стр. 53.

Россия живёт в переходное время, когда «нормальная», «конституционная» жизнь ещё не установилась, когда политический кризис ещё не разрешён. Дни бурь и «осложнений» впереди. Отсюда движение, настоящее и грядущее, движение, ставящее себе целью полную демократизацию.

В связи с этим движением и должен быть рассмотрен национальный вопрос.

Итак, полная демократизация страны, как **основа** и условие решения национального вопроса.

Следует учесть при решении вопроса не только внутреннее, но и внешнее положение. Россия находится между Европой и Азией, между Австрией и Китаем. Рост демократизма в Азии неизбежен. Рост империализма в Европе — не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвётся в чужие страны, ища новых рынков, дешёвых рабочих, новых точек приложения. Но это ведёт к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война¹⁴³ является концом, а не началом осложнений. Поэтому вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность в России найдёт нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды.

Но из этого следует, что русские марксисты не обойдутся без права наций на самоопределение.

Итак, право самоопределения, как **необходимый пункт** в решении национального вопроса.

Далее. Как быть с нациями, которые по тем или иным причинам предпочтут остаться в рамках целого?

Мы видели, что культурно-национальная автономия непригодна. Во-первых, она искусственна и нежизненна, ибо она предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, чья жизнь, действительная жизнь, разъединяет и перебрасывает в разные концы государства. Во-вторых, она толкает к национализму, ибо она ведёт к точке зрения «размежевания» людей по национальным куриям, к точке зрения «организации» наций, к точке зрения «сохранения» и культивирования «национальных особенностей», — дело, совершенно не идущее к социал-демократии. Это не случайность, что моравские сепаратисты в рейхсрате, отделившись от немецких с.-д. депутатов, объединились с моравскими буржуазными депутатами в одно, так сказать, моравское «коло». Не случайность и то, что сепаратисты из Бунда увязли в национализме, превознося «субботу» и «жаргон». В Думе нет ещё бундовских депутатов, но в районе Бунда имеется клерикально-реакционная еврейская община, в «руководящих учреждениях» которой Бунд устраивает, пока что, «объединёнку» еврейских рабочих и буржуа *. Такова уж логика культурно-национальной автономии.

Итак, национальная автономия не решает вопроса.

Где же выход?

Единственно верное решение — **областная автономия**, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело

* «Отчёт о VIII конференции Бунда», конец резолюции об общине.

не с фикцией без территории, а с определённым населением, живущим на определённой территории. Затем, она не межит людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок, — наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межклассового другого рода, межклассового по классам. Наконец, она даёт возможность наилучшим образом использовать природные богатства области и развить производительные силы, не дожидаясь решений общего центра, — функции, не присущие культурно-национальной автономии.

Итак, **областная автономия, как необходимый пункт** в решении национального вопроса.

Нет сомнения, что ни одна из областей не представляет сплошного национального единообразия, ибо в каждую из них вкраплены национальные меньшинства. Таковы евреи в Польше, латыши в Литве, русские на Кавказе, поляки на Украине и т. д. Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут игнорированы национальными большинствами. Но опасения имеют основание лишь в том случае, если страна остаётся при старых порядках. Дайте стране полный демократизм, — и опасения потеряют всякую почву.

Предлагают связать разбросанные меньшинства в единый национальный союз. Но меньшинства нуждаются не в искусственном союзе, а в реальных правах у себя на месте. Что может дать им такой союз без полной демократизации? Или: какая необходимость в национальном союзе при полной демократизации?

Что особенно волнует национальное меньшинство?

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком,— и недовольство пройдёт само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу,— и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести (свобода вероисповедания), передвижения и пр. Дайте ему эти свободы,— и оно перестанет быть недовольным.

Итак, национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и пр.), как необходимый пункт в решении национального вопроса. Необходим, следовательно, общегосударственный закон, данный на основе полной демократизации страны и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств.

В этом и только в этом может быть действительная, а не бумажная гарантия прав меньшинства.

Можно оспаривать или не оспаривать существование логической связи между организационным федерализмом и культурно-национальной автономией. Но нельзя оспаривать того, что последняя создаёт благоприятную атмосферу для безбрежного федерализма, переходящего в полный разрыв, в сепаратизм. Если чехи в Австрии и бундовцы в России, начав дело с автономии и перейдя потом к федерации, кончили сепаратизмом,— то в этом, несомненно, крупную роль сыграла националистическая атмосфера, которую

естественно распространяет культурно-национальная автономия. Это не случайность, что национальная автономия и организационная федерация идут рука об руку. Оно и понятно. И та и другая требуют размежевания по национальностям. И та и другая предполагают организацию по национальностям. Сходство несомненное. Разница лишь в том, что там межуют население вообще, а здесь — с.-д. рабочих.

Мы знаем, к чему приводит межкование рабочих по национальностям. Распадение единой рабочей партии, разбивка союзов по национальностям, обострение национальных трений, национальное штрейкбрехерство, полная деморализация в рядах социал-демократии, — таковы результаты организационного федерализма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в России красноречиво свидетельствуют об этом.

Единственное средство против этого — организация на началах интернациональности.

Сплочение на местах рабочих всех национальностей России в единые и целостные коллективы, сплочение таких коллективов в единую партию — такова задача.

Само собой понятно, что такая постройка партии не исключает, а предполагает широкую автономию областей внутри единого партийного целого.

Опыт Кавказа показывает всю целесообразность такого типа организации. Если кавказцам удалось преодолеть национальные трения между армянскими и татарскими рабочими, если им удалось обезопасить население от возможностей резни и перестрелок, если в Баку, в этом калейдоскопе национальных групп, теперь уже невозможны национальные столкновения, если там удалось вовлечь рабочих в единое русло

могучего движения, — то в этом не последнюю роль сыграла интернациональная постройка кавказской социал-демократии.

Тип организации влияет не только на практическую работу. Он накладывает неизгладимую печать на всю духовную жизнь рабочего. Рабочий живёт жизнью своей организации, он там растёт духовно и воспитывается. И вот, вращаясь в своей организации и встречаясь там каждый раз со своими интернациональными товарищами, ведя вместе с ними общую борьбу под руководством общего коллектива, — он глубоко проникается мыслью о том, что рабочие прежде всего — члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма. А это не может не иметь громадного воспитательного значения для широких слоёв рабочего класса.

Поэтому интернациональный тип организации является школой товарищеских чувств, величайшей агитацией в пользу интернационализма.

Не то с организацией по национальностям. Организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчёркивается не общее между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. Здесь рабочий прежде всего — член своей нации: еврей, поляк и т. д. Неудивительно, что национальный федерализм в организации воспитывает в рабочих дух национальной обособленности.

Поэтому национальный тип организации является школой национальной узости и замкнутости.

Таким образом, перед нами два принципиально различных типа организации: тип интернациональной

сплочённости и тип организационного «размежевания» рабочих по национальностям.

Попытки примирить эти два типа до сих пор не имели успеха. Примиренческий устав австрийской социал-демократии, выработанный в Вимберге в 1897 году, повис в воздухе. Австрийская партия разбилась на части, увлекая за собой союзы. «Примирение» оказалось не только утопичным, но и вредным. Штрассер прав, утверждая, что «сепаратизм получил свой первый триумф на Вимбергенском партийтаге» *. То же самое в России. «Примирение» с федерализмом Бунда, состоявшееся на Стокгольмском съезде, кончилось полным крахом. Бунд сорвал стокгольмский компромисс. Бунд с первого же дня после Стокгольма стал помехой на пути к слиянию рабочих на местах в единую организацию, включающую рабочих всех национальностей. И Бунд упорно продолжал свою сепаратистскую тактику, несмотря на то, что и в 1907 и в 1908 году российская социал-демократия несколько раз требовала, чтобы единство снизу между рабочими всех национальностей было, наконец, осуществлено ¹⁴⁴. Бунд, пачавший с организационной национальной автономии, перешёл на деле к федерации для того, чтобы кончить полным разрывом, сепаратизмом. Разрывая же с российской социал-демократией, он внёс в неё разброд и дезорганизацию. Вспомним, хотя бы, дело Ягелло ¹⁴⁵.

Поэтому путь «примирения» должен быть оставлен, как утопический и вредный.

Одно из двух: либо федерализм Бунда, и тогда — российская социал-демократия перестраивается на па-

* См. его «Der Arbeiter und die Nation», 1912 г.

чалах «размежевания» рабочих по национальностям; либо интернациональный тип организации, и тогда — Бунд перестраивается на началах территориальной автономии, по образцу кавказской, латышской и польской социал-демократии, открывая дорогу делу непосредственного объединения еврейских рабочих с рабочими других национальностей России.

Среднего нет: принципы побеждают, а не «примиряются».

Итак — принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

Вена, 1913 г., январь.

*Впервые напечатано в журнале
«Просвещение»¹¹⁸ №№ 3—5,
март — май 1913 г.*

Подпись: К. С т а л и н